

Цзян Яньли решила, что пришло время сделать что-то радикальное. Война между её родителями, то горячая, то холодная, подорвала моральный дух в Пристани Лотоса. Без единства между их лидерами никто больше не знал, кого слушать. Даже некоторые из их лучших торговцев переехали, сославшись на различные причины, такие как необходимость увидеть новые места, предложение присоединиться к семейному бизнесу в другом городе и больные бабушки, дедушки или какие-то другие родственники, которые жили далеко.

Каждый вечер отец ужинал в своём кабинете, настаивая на том, что ему необходимо решить некоторые вопросы. Эти вопросы были слишком важные, чтобы их откладывать, даже когда Яньли готовила его любимую еду.

Мать обычно оставалась в своём павильоне, когда не охотилась ночью и не гоняла своих учеников до тех пор, пока те не падали в обморок. Только служанкам разрешалось посещать её, что оставляло Яньли и Цзян Чэна на произвол судьбы.

Не такой должна была быть их жизнь.

Яньли села на край причала и бросила камешки в воду. Вокруг никого не было. После долгого дня тренировок с мечами ученики разбежались. К счастью, в этом году весна немного затянулась, и солнце ещё не слишком сильно воздействовало на них. Девушка опасалась, что если такие интенсивные тренировки продолжатся, когда наступит летняя жара, многие ученики могут пострадать от тепловых ударов.

Тяжелые шаги заставили её оглянуться через плечо. Цзян Чэн встал над ней, выражение его лица было мрачным и усталым. Ни один тринадцатилетний ребёнок не должен выглядеть таким обеспокоенным.

— А-Чэн, садись, — подбодрила его Яньли, похлопала по месту рядом с собой и, когда брат сел, прижалась своим плечом к его плечу и обняла. — Мой бедный А-Чэн так устал.

Цзян Чэн шмыгнул носом, пряча лицо за рукавом:

— Я не слабый. Я не хочу быть слабым. И не буду.

— Конечно, не будешь. А-Чэн смелый и сильный.

Они сидели так довольно долго, наблюдая, как солнечный свет, танцующий на воде, угасает, сменяясь вечерними сумерками.

Яньли любила Пристань Лотоса. Она обожала запах озера и цветов, которыми был пропитан здешний воздух. Яркие, жаркие летние дни заставляли искать тень, чтобы охладиться, а прохладные, но солнечные зимы позволяли готовить тёплые супы и проводить уютные вечера.

И всё же она знала, что этот дом был временным. Однажды Яньли выйдет замуж за Цзинь Цзысюаня и отправится в Башню Кои, где построит свою собственную семью. А её младший брат останется в одиночестве среди поселения, заполненного людьми. Он будет единственным, кто сдерживает битву их родителей. Нет, миром это не кончится. Тем более что в данный момент Цзян Чэн настроен перенять суровый, яростный подход к совершенствованию их матери вместо более спокойного, стойкого характера их отца. И, если так пойдёт дальше, Пристань Лотоса из Ордена, построенного на свободе самовыражения и непринужденном отношении к жизни, превратится в более суровый и требовательный.

От этой мысли девушке стало грустно.

Конечно, Яньли могла бы изменить это, помочь своему младшему брату смягчить его резкость.

— Эй, — сказала она, нарушая тишину, когда ей в голову пришла идея, — что, если мы убежим?

— С ума сошла? — вскинулся Цзян Чэн. — Что значит «убежим»? Это наш дом. Я наследник Ордена и главный ученик. Только трусы убегают!

Яньли проигнорировал гнев и осуждение в его карих глазах:

— Верно, но это будет побег с определенной целью.

— Хм?

Яньли повернулась, чтобы лучше видеть брата, и чем больше она думала о нём, тем больше ей нравился план:

— Послушай, мать и отец всегда ссорятся, так?

— Ага.

— А из-за чего они ссорятся?

Цзян Чэн фыркнул:

— Из-за всего, но особенно из-за этого предателя.

— Правильно, — сказала Яньли с ухмылкой. — Сначала они ссорились, потому что отец всё время искал Вэй Ина. Потом они ссорились, потому что он был здесь.

Скрестив руки на груди, А-Чэн пристально смотрел на воду:

— Они ссорились, потому что он доставлял неприятности; отец предпочитал его мне, собственному сыну.

Яньли не собиралась идти у брата на поводу. Этот разговор привёл бы только к разногласиям между ними, а ей нужно было, чтобы он сотрудничал.

— И теперь, когда его нет, они ссорятся из-за того, что он ушел. Мать каждые несколько недель посылает своих служанок, чтобы найти его, в то время как отец избегает всей ситуации.

— Мать думает, что он нам должен, что у него не было ни права, ни свободы уйти. А отец всё твердит, что он заплатил нам за то, что мы спасли его с улицы и обучили. Мать же говорит, что продажа талисманов, сделанных ребёнком, уличной крысой, выставит нас дураками в глазах других Орден.

— Я знаю. Споры продолжаются и продолжаются кругами, — вздохнула Яньли, проводя рукой по его волосам.

— Да, но какое это имеет отношение к тому, что мы убегаем?

— Всё просто, — чопорно ответила она. — Если мы убежим или, ещё лучше, сделаем вид, будто нас похитили, им придётся на этот раз сфокусироваться на нас. Им придётся поладить, чтобы нас найти.

Глаза Цзян Чэна загорелись, а спина выпрямилась, когда он подумал об этом:

— Да. На этот раз речь пойдет о нас, а не о предателе. Но куда мы пойдем?

Яньли махнула рукой:

— Мы можем отправиться в Цзянлин или Илин, или сесть на лодку и плыть к побережью. Мы можем даже направиться в Цзинлин или Гусу. Неважно, куда. Всё, что нам нужно сделать, это спрятаться на несколько дней, максимум на неделю. Затем мы бежим к первым ученикам Цзяна, которых видим, и заявляем, что сбежали от похитителей.

Лицо Цзян Чэна скривилось, когда он потёр голову:

— Но что, если они не станут нас искать?

— О, конечно, станут. Обязательно станут. Неважно, что мать и отец чувствуют друг к другу,

мы — их дети. Они пошлют всех учеников, чтобы найти нас. И когда мы найдёмся, они будут так счастливы, что забудут обо всех этих ссорах.

Цзян Чэн ухмыльнулся:

— Идеально.

Вэй Ин провёл ночь, растянувшись среди мяты и наслаждаясь тёплым ветром, что разгонял ужасную вонь от горящих пауков. Он спал, положив голову на Лань Чжана, с удовольствием прижимаясь к своему другу, а тот и не жаловался. Это было неожиданно, но Усянь решил, что его зануда просто слишком устал, чтобы возражать.

Однако, несмотря на усталость, Лань Чжань разбудил его слишком рано.

— Вэй Ин, уже утро.

Разозлившись, Усянь прильнул к другу плотнее, надеясь уговорить остаться и полежать. Такой чопорный человек, как он, был на удивление удобной подушкой. Усянь вдохнул мягкий аромат сандала, потёрся щекой о мантию своего Ланя, и тут кто-то с силой потряс его за плечо.

— Эй, А-Ин, отойди от Ванцзи, — произнёс А-Яо со смехом в голосе.

— Ммм. — Вэй Ин проигнорировал надоедливого брата.

— Он всегда такой? — спросил Лань Сичэнь, явно забавляясь.

— Ах, да. Он никогда не был жаворонком. Бодрствует полночи и спит полдня, вот мой младший брат.

Руки легли на плечи Вэй Ина.

— Ты хватаешь его за ноги. Я возьму его за руки. Хорошее купание в реке сделает своё дело.

— Эй! — воскликнул Вэй Ин, когда его подлый брат и ужасный старший Лань подняли его с земли.

Он пытался удержать Лань Чжана, но его друг предал его и откатился в сторону. Несмотря на сопротивление, Усянь не смог вырваться, поэтому в отместку он крепко вцепился в А-Яо и потащил его за собой в воду. Его старший брат протестующе завизжал, и Вэй Ин безумно

рассмеялся. Они разом ударились о холодную тёмную гладь и ушли под воду. А-Яо попытался вырваться, но Вэй Ин не отпустил его. Он схватил брата за мантию и дёрнул его обратно. Так они и боролись друг с другом, пока братья Лань наблюдали за их потасовкой с берега.

— Разве ты не рад, что мы не такие? – насмешливо поинтересовался у брата Лань Сичэнь.

Вэй Ин подумал о том, чтобы показать язык наследнику Ордена, но тут старший Лань рухнул вперёд, изумлённо раскрыв глаза и взмахнув широкими руками.

Самодовольное подёргивание губ Лань Чжана заставило Вэй Ина громко заржать и отпрыгнуть назад, обрушив огромный всплеск на старших братьев. Он сделал это! Его красивый плюшевый зануда на самом деле столкнул своего такого же зануду-брата в воду. Это был лучший день.

— Ванцзи! Утром я должен вернуться в Облачные Глубины! — Сичэнь выбрался на берег, мокрый, с водорослями в волосах и грязью, прилипшей к его некогда белым одеждам. Его серебряный гуань свисал под углом с его головы, и пряди чёрных волос цеплялись за него: — Дядя заставит меня писать строки, пока у меня не отвалятся руки.

— Мн. Сюнчжан нуждался в ванне, — согласился Лань Чжань, повернулся и, заложив одну руку за спину, направился к лагерю.

Довольный своим утром Вэй Ин разделся до нижнего белья и начал чистить свою одежду и себя, А-Яо сделал то же самое, его щёки ярко покраснели, когда он предложил постирать одежду Сичэню.

Наследник Ордена замотал головой, упрямо настаивая на том, что он может сам разобраться со своим бельём, но А-Яо не отступал.

Вэй Ин наслаждался, наблюдая за их неуклюжими словесными перебранками туда-сюда, пока не решил, что слишком голоден, чтобы развлекаться дальше. Он поспешил на берег и отжал свою одежду, прежде чем развесить её на ближайших кустах, чтобы она просохла под лучами тёплого утреннего солнца.

Это был хороший день, даже несмотря на то, что было слишком рано, и масса пауков всё ещё пылала вдалеке.